

Даже в Трущобах существовал огромный разрыв между бедными и богатыми.

Большая часть застройки состояла из крошечных, плотно пригнанных друг к другу лачуг, напоминающих соты, но среди них попадались и отдельно стоящие трёх- или четырёхэтажные металлические дома, куда более просторные, чем остальные.

Дом, который нашел Ли Цзюэ, находился по соседству с его собственным. Раньше здесь жил мужчина средних лет, которого Ли Цзюэ видел в последний раз две недели назад.

Очевидно, он погиб где-то снаружи.

— Вот ключ, береги его, а то если что-нибудь украдут — плакаться будет некому.

Ли Цзюэ протянул бронзовый ключ Ли Чи и направился к своей двери. Перед тем как закрыться, он подмигнул:

— Вечером позову тебя, не забудь.

Ли Чи кивнул и, подражая его движениям, вставил ключ в скважину и повернул.

«Щелк» — и дверь открылась.

В лицо ударил запах ржавчины, смешанный со слабой вонью плесени.

Комната была маленькой, мебели почти не было, а кровать в углу, на которой с трудом могли уместиться двое, занимала добрую треть пространства.

С тихим щелчком Лу Сихэн запер дверь.

— Что вы собрались делать вечером?

Очевидно, он слышал разговор.

— Собирать мусор, зарабатывать луби, — ответил Ли Чи.

Он задолжал Виктору крупную сумму. В Трущобах есть специальные места для готовки, еду нужно выменивать на луби, за воду и свет тоже надо платить...

Здесь все требовало денег.

Лу Сихэн непривычно замолчал.

С самого рождения он не испытывал недостатка ни в деньгах, ни во власти, а теперь его приютил бедный юноша, которому к тому же придётся копаться в мусоре, чтобы прокормить его.

В этот момент некоторые представления Лу Сихэна о жизни окончательно рухнули, незажившие раны отозвались тупой болью, а в висках запульсировало.

Ли Чи был настолько беден, что у него даже не нашлось сменной чистой одежды. Раньше стоимость одного обеда Лу Сихэна могла бы обеспечить этому юноше два года безбедной жизни...

Лу Сихэн, борясь с головокружением, произнес:

— Я пойду с тобой...

Едва он договорил, его тело качнулось. Последние силы, на которых он держался весь путь, иссякли, и он с глухим стуком рухнул на пол.

Ли Чи вздрогнул от испуга, поспешно перетащил Лу Сихэна на кровать и принялся долго прижиматься к его лицу.

У того было тяжелое дыхание и пылающий лоб, но главное – он был жив.

Еще в хижине врача старик предупреждал, что в Трущобах нет нормальных условий. Эффект от старой лечебной капсулы был неполным, так что спасенная жизнь – лишь временная победа, и в любой момент может начаться жар.

Ли Чи догадался: сейчас у Лу Сихэна лихорадка.

Он ведь спрашивал старика об этом.

«Что делать, если начнется жар?»

«Что делать? Сбивать, – хмыкнул тогда тот. – ...В наше время выживают только те, у кого организм крепкий».

Умывальник был в другом углу. Ли Чи взял те обрывки ткани, которые оторвал раньше, постирал их, намочил и положил Лу Сихэну на лоб и щеки, а еще один кусок обмотал вокруг шеи, пытаясь таким образом сбить температуру.

Взгляд у Лу Сихэна был пронзительным, зрачки черными, словно затягивающими в себя, но когда он закрывал глаза, эта острота смягчалась болезненной хрупкостью. Губы потеряли сочность и стали сухими.

Ли Чи пальцем смачивал их водой, раз за разом, пока они снова не порозовели.

Дверь была заперта, теперь это было безопасное, замкнутое пространство, а значит, никто не придет и не помешает.

Ли Чи долго смотрел на него, а потом вдруг протянул руку и ткнул пальцем в нижнюю губу Лу Сихэна.

Мягкая. Она немного проминалась и тут же восстанавливала форму.

Затем он пощупал его руку – совсем другие ощущения: твердая и горячая.

Потрогав Лу Сихэна, а затем себя, Ли Чи пришел к выводу, что человеческое тело – удивительная штука: у всех одинаковое строение, но на ощупь все разные.

Например, тело Лу Сихэна было гораздо тверже, чем у него. Интересно, не доставляет ли это ему дискомфорта?

Сменив компресс несколько раз, Ли Чи добился того, что температура Лу Сихэна наконец спала, а багровый румянец исчез.

Прошло немало времени. Когда мужчина открыл глаза, Ли Чи как раз собирался уходить.

Юноша уже умылся, его кожа была белоснежной и чистой, а густые ресницы отбрасывали тень, делая его вид еще более кротким и беззащитным.

Однако одежда на нем была все та же – дневная, заляпанная грязью и кровью так, что и первоначальный цвет не разобрать.

— Хотел постирать, но вода кончилась, — пояснил Ли Чи, заметив его взгляд. — Да и все равно на свалке снова испачкаюсь.

— Подожди... я пойду с тобой.

Голос был настолько сильным, будто связки разорвали в клочья. Лу Сихэн попытался встать, но зашелся в мучительном кашле, и Ли Чи тут же его остановил.

— Я сам справлюсь. Ты оставайся в доме и ни в коем случае не выходи.

Ли Чи с некоторым беспокойством уложил его обратно на кровать.

Лу Сихэн – будущий великий злодей, а он его еще ничему хорошему не научил. Вдруг тот выйдет и начнет творить зло?

К тому же он сейчас очень слаб. Лишняя трата сил только приблизит смерть, а Ли Чи не хотел, чтобы тот вредил себе.

Ли Чи сам знал, что такое чувствовать угасание жизни, когда смерть уже дышит в затылок. Баба спасла его и доверила ему злодея.

Он был очень благодарен Бабе и потому твердо решил выполнить задание на совесть.

— Не волнуйся, я вернусь к рассвету.

Лу Сихэн был слишком слаб и в итоге не смог переспорить Ли Чи. Ему оставалось только смотреть, как закрывается металлическая дверь и исчезает силуэт юноши.

В комнате воцарилась тишина, будто здесь никого и не было. У изголовья лежала стопка аккуратно сложенных тряпиц – влажных на ощупь, из той же ткани, что и одежда Ли Чи.

А на столе неподалеку лежал овальный кусок чего-то черного – судя по всему, еда, так как на одном краю виднелся крошечный след от зубов.

В голове всплыла картина: юноша выгребает все свои луби, чтобы купить кусок черствого черного хлеба, и, не смея съесть его сам, лишь осторожно откусывает крохотную крошку и, преодолевая голод, оставляет еду для другого.

Там, на Базе, аристократия утопает в роскоши и излишествах.

А здесь этот черный хлеб, который даже домашние питомцы есть не станут, – драгоценная пища для множества людей с самого дна, которую они боятся съесть лишний раз.

Лу Сихэн молча прислонился к изголовью кровати.

Спустя долгое время его длинные пальцы потянулись к столу и взяли холодный кусок черного хлеба.

...

Ночью в Трущобах было необычайно оживленно. Мужчины и женщины, старики и дети – все высыпали из своих жилищ и потянулись в одном направлении.

Ли Чи немного нервничал.

На самом деле, уходя, он запер дверь снаружи, боясь, что Лу Сихэн сбежит.

Но стоит тому попытаться выйти, как он обнаружит этот фокус. А вдруг он разозлится?

Ли Чи ещё не понимал, что испытывает чувство вины, и лишь ускорял шаг.

— Сюда! — Ли Цзюэ и Виктор сидели на корточках неподалеку. Заметив Ли Чи в толпе, Ли Цзюэ махнул ему рукой.

Виктор кивнул в знак приветствия, пережевывая кусок черного хлеба.

При виде черного хлеба Ли Чи стало не по себе.

Все живые существа нуждаются в пище, и Ли Чи не был исключением.

Раньше его сознание было фрагментарным, и порой он ел довольно странные вещи, но, став человеком, он резонно рассудил, что должен питаться человеческой едой.

Однако он и представить не мог, что человеческая еда окажется такой невкусной: сухая, дерет горло, просто гадость какая-то.

Ли Чи хватило всего одного укуса, чтобы больше не притрагиваться к ней.

Голод никуда не делся, и Ли Чи вздохнул.

Оставалось надеяться, что сегодня на свалке удастся найти что-нибудь съедобное. Те странные штуки, что он ел раньше...

Люди, возможно, испугались бы их, но Ли Чи считал, что вкус у них вполне приличный.

<http://bllate.org/book/19452/1926174>